

ЭО, 2010 г., № 6

© А. Лаврилье

**ОРИЕНТАЦИЯ ПО РЕКАМ
У ЭВЕНКОВ ЮГО-ВОСТОКА СИБИРИ.
СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ
И РИТУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ¹**

Ключевые слова: Дальний Восток России, неоседлые эвенки, ориентация в географическом, социальном, ритуальном пространстве

Статья написана на основе долговременных полевых исследований неоседлых эвенков Амурской обл. и юго-восточной Якутии. Автор делает вывод, что реки позволяют не только ориентироваться в пространстве, но и воскрешают в памяти родство со своей социальной группой, а также помогают осмыслить цикл жизни.

Во время моих первых полевых этнографических исследований² я заметила, что эвенки, будь то кочевники тайги, или оседлые жители поселков, в большинстве своем никогда не видели карты своего лесного региона. Когда я им показала свою детализированную карту местности, они все увлеченно столпились, проведя несколько часов, рассматривая и комментируя ее. Желая помочь им сориентироваться, я, в соответствии с системой ориентации моей собственной культуры, указала им на четыре стороны света и самые высокие точки, но они мне ответили: “Нас не интересуют ни отправные точки, ни горы, нас интересуют реки!”. Кроме того, я заметила, что они, невзирая на принадлежность к тому или иному поколению, очень быстро находили на карте большие и малые реки, которые их интересовали, всего лишь по конфигурации потока.

После долгого изучения карты они мне указали на отсутствующие притоки и некоторые ошибки в ориентирах и в конфигурации маленьких притоков. Затем они стали обсуждать некоторые пути, возможные для передвижения по Сибири на нартах или верхом на олене. Они также рассказали, что до конца 1960-х годов некоторые семьи избирались для путешествия к эвенкам с. Тополиное Томпонского улуса Верхоянского хребта (более 3000 км), для обмена оленями и заключения браков. Продвигаясь потихоньку, останавливаясь в благоприятных для охоты или рыбной ловли местах, эти семьи возвращались по прошествии трех лет. Вновь найдя на карте потенциальные пути передвижения своих предков, они воскликнули: “В конце концов, когда идешь от реки к реке, ничего не бывает по-настоящему далеко, всегда есть возможный проход!” Согласно свидетельствам стариков, эвенки Станового хребта в царское время каждый год отправлялись на торговые ярмарки Северного Китая. Переход туда и обратно составлял около тысячи километров.

Несколько лет спустя, уже владея эвенкийским языком, я заметила, что взрослые и дети, мужчины и женщины часто охотно повторяли, как таблицу умножения, связь рек и речек, покрывающих пространство, намного превосходящее ту территорию, которую им доводилось проходить в их кочевой жизни. Встретившись в поселке, эвенки, которые передвигаются по разным очень удаленным друг от друга гидрографическим системам, обмениваются информацией о своей территории, оценивая топографию, богатство пастбищ или дичи, а также небольшие изменения маршрута и уровня рек.

Александра Лаврилье (A. Lavrillier) – сотрудник Группы по исследованиям сравнительной популяционной лингвистики Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (г. Лейпциг); e-mail: alavrillier@gmail.com, alexandra_lavrillier@eva.mpg.de

Итак, отметим в культуре эвенков эту страсть к познанию пространства, существенно превосходящего то, которое используется ими непосредственно, и важность для них передачи этого знания из поколения в поколение. Таким образом, эвенки не рассматривают окружающий мир как пространство, ограниченное только их собственными территориями кочевания, как будто для них необходимо сохранить, хотя бы мысленно, свободу передвижений в пространстве³.

* * *

Цель этой статьи состоит в том, чтобы понять, как эвенки, у которых я работала, описывают, осмысливают пространство, перемещаются и ориентируются в нем, управляют им. В основном, я базируюсь на материалах собственных полевых исследований у эвенков охотников-оленоводов юга Республики Саха (Якутия) и Амурской обл.⁴

Сегодня эвенки, оседлые или кочевые, в административном плане относятся к одному из поселков региона. По населению, зарегистрированному в похозяйственных книгах поселков, можно вычислить количество эвенков, круглый год ведущих кочевую жизнь: их от 40% до 80%. Летом дети кочевников, которые учатся в интернате, и некоторые жители поселков приезжают пожить в тайге.

Тажные эвенки используют своих оленей в основном как транспортное средство во время кочевания, а также для охотничьих и рыболовных поездок и сезонных перемещений. Когда лежит снег, а это примерно девять месяцев в году, они передвигаются на нартах, запряженных двумя оленями, а летом ездят на них верхом. Стада домашних оленей небольшие (от пяти до ста голов на человека), и эвенки забивают их только в случае крайнего голода или для жертвоприношений. Главное средство существования для них – охота и рыболовство. Для продажи они добывают соболя в короткий период, примерно с конца октября по начало декабря. Эвенки осознают хрупкость природной среды и необходимость ее сохранения для будущих поколений. Они выработали частый ритм кочевания, балансируя между поисками пастбищ для домашних оленей (меню которых меняется согласно сезону) и миграциями дичи, на которую они позволяют себе охотиться в различные периоды года. Размер группы людей, кочующих вместе, изменяется в зависимости от сезона, в который преобладает охота или пастьба. Схематически можно сказать, что когда преобладает оленеводческая деятельность (весна и лето), несколько нуклеарных семей объединяются в одном лагере, тогда как охота вынуждает перемещаться маленькими группами – нуклеарными семьями. Большую часть времени эвенки передвигаются с женщинами и детьми, за исключением кратковременных кочеваний, когда мужчины отделяются от своих семей и уходят охотиться на уголья, богатство которых им не известно. Во время этих кочевков мужчины меняют лагерь практически через день.

Во время снежного периода “элементарная кочевая единица”⁵ меняет место стоянки каждые 20–30 дней на расстоянии от 40 до 80 км. Летом члены одного лагеря обычно перемещаются каждые 3–10 дней на короткое расстояние (5–20 км). В этот период олени весь день остаются возле палаток у дымокуров, защищающих их от комаров и слепней. Кочевники стараются предоставить своим стадам почву, покрытую свежей травой, чтобы избежать болезни копытки. Большая часть кочеваний разворачивается в два этапа. Сначала мужчины перевозят вещи и часть пищевых запасов на место новой стоянки или оставляют их на полпути. На следующий день мужчины сопровождают женщин и детей с остальными вещами.

Кроме кочеваний и сезонных перемещений эвенки ездят на оленях на места охоты и рыбной ловли. Зимой каждый день мужчины или женщины отправляются искать оленей в лесу и пригоняют их к изгороди в центре лагеря. Тогда каждый охотник выбирает пару оленей для запряжки в нарты и одного верхового оленя, на которого он

надевает верховое седло и которого он привязывает за нартой. Так, следуя по “дорогам”⁶, он сможет быстро достичь “зоны дичи”. Затем, найдя след дичи, он привязывает свои нарты на краю тропы и едет верхом на олене за дичью по бездорожью в глубь густого леса.

Кроме того, чтобы купить пищевые припасы, эвенки-кочевники должны два-три раза в год ездить в поселок, который находится в 200–300 км от их стойбища.

Таким образом, именно мужчины перемещаются больше всех и, согласно моим подсчетам, при всех своих вместе взятых перемещениях, на олене или пешком, мужчины-эвенки проходят и проезжают за год в среднем около 2000 км. Остальные члены нуклеарной семьи проходят или проезжают до 1000 км.

Уроженец Запада представляет себе тайгу как обширную однообразную целостность, которую охотники-оленьеводы эвенки бороздят из стороны в сторону в хаотичной манере, не имея представления о границах и территориях. На самом деле все совершенно не так (см.: *Василевич* 1969; *Карлов* 1980; *Сирина* 2002; *Туров* 1990 и др.). Для эвенков тайга является организованным и структурированным пространством, что вызывает разные тактики как пространственного, так и временного освоения и использования ресурсов. Мы увидим, что эта организация имеет свои прагматические причины и одновременно осмысливается в символической манере.

Первый уровень организации пространства тайги, о чем постоянно можно слышать в разговорах эвенков, определяется дихотомией между *диким* и *домашним* пространствами.

Первый термин дихотомии – *кану:ла* означает территорию, расположенную за пределами лагеря, по которой не должны проходить люди и их домашние олени. Таким образом, она удалена от “дорог” кочевания и постоянных пастбищ (территорий по которым регулярно проходят пастухи). Она рассматривается как дикая, согласно словам самих эвенков, “та, на которой нет следов человека”. Именно там живет самая ценная дичь (дикий северный олень, лось, медведь, благородный олень). Именно в этой зоне, по представлениям эвенков, обитает самый главный из духов-хозяев дичи, и именно туда ходят старики, чтобы “разговаривать” с ним. Другие проникают в эту часть тайги только для охоты, в одиночку верхом на своих оленях, соблюдая строжайшую тишину.

Эвенки называют этого духа *Байанай* или *Баралйак* (ср.: *Николаев* 1964). Они говорят, что он одновременно един и во множестве, в том смысле, что он/они считается присутствующим на каждом отрезке пространства (будь оно дикое или домашнее). Во время каждой стоянки они кормят его как живое существо, кидая кусочек мяса в огонь очага. Домашние *Байанай* считаются менее сильными, чем дикие. Поэтому, чтобы получить удачу на охоте в грядущем сезоне, старики осенью и весной в одиночестве остаются на одном из участков дикого пространства тайги (*кану:ла*) с тремя вертелами жирного мяса, которое они жарят на лагерьном костре и говорят с духом, кормят его, бросая куски мяса в огонь⁷.

Второй термин дихотомии – *бэйэчи* “территория, населенная людьми”, от слова *бэйэ* – “человек, мужчина”. Эта территория состоит из мест стоянок, постоянных пастбищ домашних оленей и дорог кочевания. Для эвенков она четко отмечена присутствием человека. Так как эвенки стремятся к сохранению не только пастбищ домашних оленей, но также и зон обитания дичи, они, чтобы не “ранить” тайгу, стараются слишком не вытапывать почву на стоянках и вблизи них, рубят деревья в разных местах, чтобы не сделать лес пустыней, не остаются слишком долго на одной стоянке, передвигаются по уже существующим дорогам. Думая о будущем и о последующих поколениях, они стремятся не брать у природы слишком много, забирая лишь столько, сколько им необходимо в данный момент: “Мы и наши потомки должны жить на этой земле еще многие годы!”. Это структурирование леса на *домашнее* и *дикое* простран-

ство есть форма управления природными ресурсами, позволяющая каждый раз “держать” запасы дичи на приемлемом расстоянии от разных стоянок.

Структура кочевания в границах *домашнего* пространства вовсе не производится в хаотичной манере. Ежегодный проход одной нуклеарной семьи между различными лагерями образует движение по кругу. Этот круговой маршрут включает в себя несколько относительно важных рек и их притоков (ср. *Сирина* 2002).

Годовой круг кочевания должен быть ориентирован согласно следующим параметрам. Летние стоянки должны находиться в наиболее прохладных зонах, например, на севере или на возвышенности, так как домашние олени плохо переносят жару. В то же время стоянки должны располагаться максимум в четырех днях пути от зон дичи (*канула*), но поблизости от обычных пастбищ домашних оленей, чтобы защитить стада от медведей. Кроме того, чтобы разбить лагерь, эвенки должны отыскать сухой ровный участок с сухими лиственницами⁸ поблизости от реки с чистой водой и недалеко от дорог.

Зимой ограничения, связанные с оленеводством, менее важны, потому что олени питаются ягелем и листьями брусники. Домашние олени, самцы и самки, в отличие от других сезонов держатся вместе. Таким образом, эвенки могут выбрать место стоянки, руководствуясь, в первую очередь, нуждами охоты. Тем не менее, они всегда стремятся встать около места, где много хвоща, который очень любят олени. Кочевники стараются охотиться при умеренной температуре. Сильные холода (ниже $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$) бывают при ясной погоде, когда возникает особый феномен резонанса: малейшие шаги охотника или звук ломающейся ветки разносятся по всей тайге. Поэтому невозможно подкрасться к дичи. Прекращение сильных холодов имеет и другую выгоду. Свежевыпавший снег делает тайгу “открытой книгой”, как говорят эвенки, потому что животные оставляют на нем более четкие следы. Снег идет только при умеренной температуре.

При структурировании годового цикла кочевания необходимо принимать во внимание значимые топографические, климатические, биологические и зоологические параметры. Эта комплексность расчета, без сомнения, присуща в совокупности и охоте, и оленеводству. С приближением лета номады поднимаются по рекам к их истокам, тогда как осенью они начинают свой спуск по направлению течения.

Круги кочевания разных нуклеарных семей могут пересекаться, так как пространство не рассматривается как частная собственность. Разделение охотничьих участков на определенный момент есть объект предварительной договоренности между членами одного и того же лагеря или представителями разных лагерей. Младшие оставляют право выбора старшим. Разделение охотничьих участков может также базироваться на принципе “кто первый пришел на место”. Дороги также рассматриваются как общее владение. Что касается мест стоянок, они, согласно сезону, являются собственностью одной нуклеарной семьи или группы нуклеарных семей⁹. Это значит, что если другая нуклеарная семья хочет встать лагерем на чужом месте, то она должна сначала спросить разрешение, а потом установить свою палатку на свободном участке предполагаемого местожительства. Вдоль одной и той же реки можно встретить относительно большое количество стоянок, принадлежащих разным семьям. Однако притоки рассматриваются как собственность одной родственной группы (по крови или свойственников). Те, кто разбили свои лагеря на других близлежащих реках или на притоках одной и той же реки, являются “соседями” (*мата*). К ним следует часто ездить в гости, вступать в отношения экономического обмена и взаимопомощи, например, объединяться для летнего коллективного кочевания.

Каждые три года годовые круги кочевания слегка меняются, оставаясь при этом направленными на те же самые главные реки и сохраняющими ту же логику сезонной ориентации. Это позволяет кочевникам, с одной стороны, сохранить некоторую свободу движения, а с другой, дать возможность возобновиться растительному покрову на лагерных стоянках и временно оставленных пастбищах.

Вдоль круга кочевания эвенки на краю месторасположения каждого лагеря делают воздушные лабазы (*колбо, са:йба, но:ку* в зависимости от диалектов). Они продумывают все задолго до того, как появятся на своих сезонных месторасположениях. Зимой, когда передвигаться на нартах легко, они доставляют продовольственные припасы на воздушные лабазы, расположенные на летних стоянках.

Именно весной до таяния снега мужчины рубят березы, необходимые для изготовления нарт на следующую зиму. Два месяца спустя, когда снег растаял, они придают форму полозьям, – до того, как отправиться в летнее кочевание. Спустившись по рекам в начале “осени без снега”, они извлекают оставленные на лето детали нарт, соединяют их и вновь оставляют до установления снежного покрова. Только в ноябре они приедут за нартами, также как и за зимней одеждой, оставленной на старой стоянке. Случается также, что место стоянки обитаемо два раза в год, например, весной и осенью.

Выбор мест стоянок в недрах круга ежегодного кочевания производится также согласно оси временной ориентации, базирующейся на принципе, который я бы назвала “играть с сезонами” и который состоит в продлении лучших моментов каждого сезона. К тому же это одна из первых хитростей кочевой жизни, которую вам разъяснят с гордостью и юмором. На деле эвенки прекрасно знают микроклимат своего пространства и меняют места в зависимости от этих параметров. Например, стоянка сезона “весна без снега” (*нэнгнйэни*) находится в среднем течении реки. За несколько недель появляется растительность, лес становится зеленым, берега реки покрываются цветами, температура повышается. Тогда кочевники принимают решение подниматься по реке к более холодной зоне в нескольких десятках километров отсюда. Они прибывают на новую стоянку. Здесь снег еще покрывает почву. Это еще сезон “снежной весны” (*нэлкни*). Охотники и их олени могут вновь использовать с выгодой для себя весенний процесс возрождения природы. Несколько месяцев спустя сезон в летнем лагере подходит к концу. Лес приобретает рыжеватый цвет, на почве появляются заморозки. Тогда эвенки решают достичь более благоприятных мест и перемещают лагерь, чтобы немного продлить летний период. Объясняя эту тактику кочевания, эвенки с юмором говорят: “Посмотри, вот так мы путешествуем во времени!”.

Итак, тайга представляет собой не дикое пространство, осваиваемое и проходимое только случайно, а пространство осмысленное, организованное, даже содержащееся в порядке. Таким образом, сверх своей сдержанности в освоении земли и заботы о сохранении природы, о чем было упомянуто выше, эвенки поддерживают свою территорию благодаря определенному набору методов. Они используют, например, технику *нала* на пастбищах во время сезона “весны без снега”, подрезают деревья и кусты вдоль дорог, которые очищают от камней, так как олени могут поранить о них ноги.

Выше было показано, что круг ежегодного кочевания является собственностью, безусловно, не исключительной, одной группы родственников. Однако не все нуклеарные семьи владеют своим независимым кругом кочевания. В частности, молодые пары, у которых не хватает опыта выбора хороших мест для лагеря, пастьбы и охоты, кочуют со своими родителями в течение нескольких лет¹⁰. Зимой, когда идеально передвигаться маленькой семейной ячейкой, для того чтобы охватить как можно большую охотничью территорию, молодая пара разбивает свой лагерь в 15 км от родителей в месте, которое им известно, чтобы весной присоединиться к их кругу кочевания. Только позднее, с приобретением опыта, пара организует свой собственный круг кочевания и получит независимость. Однако ее собственные кочевья протянутся вдоль водных потоков, принадлежащих той же главной реке, по которой кочуют их родители, включая притоки соседних рек. Так как главные реки могут насчитывать в длину несколько сотен километров, молодая пара и родители могут не встретиться до летнего объединения. Тот факт, что молодая пара независима от родителей, что она кочует по своим собственным путям, что она стала самостоятельной семейной ячейкой, являет

в обществе эвенков настоящий подъем по социальной лестнице, отмечаемый всем окружением. Пары достигают этой стадии в среднем между 25–30 годами. Встретив молодую пару, эвенк их спрашивает: *“һокточи биһинны?”* (“Есть ли у тебя дороги?”). Это означает: “Владеешь ли ты своими собственными дорогами?”, или проще: *“Манны нулгиденны?”* – (“Кочуешь ли ты независимо?”)¹¹.

Изредка встречаются люди с изобретательным умом и обладающие высоким статусом: они умеют открывать новые пути и новые территории, прорубая топором в лесу более короткие пути, чем обычные кочевые дороги. Если этот путь нравится другим кочевникам, он вскоре станет новой регулярной дорогой. Путешествуя по тайге, я часто слышала упоминания имени человека или семейной группы, открывшей тот или иной путь.

Более того, некоторые эвенки известны как любители открывать новые земли. Когда они могут дать себе небольшую передышку в охоте и оленеводстве, они отправляются в дальнее путешествие, чтобы, по их собственным словам, “увидеть то, что за горизонтом”. Они уходят на несколько месяцев, следуют по течению рек, не зная, какой тип местности найдут. Они ищут новые “годовые круги кочевания”.

Понятно, почему эвенки так стараются узнать и передать из поколения в поколение знание гидрографической сети в ареале, который существенно превышает пути их кочеваний. Зная гидрографическую сеть на обширной территории, они могут, не блуждая, передвигаться вдоль рек для открытия новых земель. Таким образом, реки для них – это как нить Ариадны в лабиринте неизвестной тайги. Знание, приобретенное во время исследования новых земель, применяется иногда намного позже. В 1997 г. я увидела, как уходил один из эвенкийских “вожеров” в отдаленные края. Он вернулся через три месяца. Тогда он описал точными указаниями меток свой маршрут, а также увиденные ландшафты и богатства. Однако только в 2003 г. он вышел, чтобы обосноваться на этом новом круге кочевания, поведя с собой одного из своих братьев с женщинами и детьми. Эти люди, – первооткрыватели, пользуются глубоким уважением среди населения. Старики говорят, что шаманы часто занимались этим видом исследований.

Таким образом, видно, что у оленеводов и охотников эвенков перемещения в пространстве являют собой не только процесс физической ориентации, но также и способ повышения социального статуса. Кроме того, как мы это вскоре покажем, занять место в пространстве означает зафиксироваться в схеме родства своей региональной группы, в этой вездесущей структуре, которую образует гидрографическая сеть. Мыслят ли эвенки свое общество согласно таким же принципам организации, как они мыслят свое пространство?

Мы говорили, что родственная группа формирует свой годовой круг кочевания вдоль основной реки. Чтобы представиться кому-то, кто его еще не знает, эвенк всегда представит себя по реке. Сначала эвенки различных регионов представляются, произнося название реки, на которой находится их поселок, и которое также часто является названием этого поселка. В поселках, вокруг которых рассредоточены стоянки кочевников, эвенки подразделяют свое общество на две “группы”, которые соответствуют двум большим разным родственным группам и носят названия двух основных рек¹². Например, поселок Иенгра (юг Республики Саха (Якутия)) расположен между двумя реками, рассматриваемыми как главные, которые определяют две различные гидрографические сети, вдоль которых передвигаются кочевники. Речь идет об Алдане на востоке и Гонаме на западе. Эвенки-кочевники или их оседлые родственники идентифицируются либо как “гонамские люди”, либо как “алданские люди”. Представители этих двух групп говорят, что ведут довольно разделенную социальную жизнь, и экзогамные браки объединяют каждую из этих групп. В некоторых других селениях также встречается феномен деления на две группы, идентифицируемые по названиям рек.

Эвенки из Усть-Нюкжи, например, подразделяются на “алданских людей” (к северу, северо-востоку от поселка) и “олекминских людей” (к западу от поселка).

Параллельно эвенки представляются под своей фамилией (созданной миссионерами в период царизма) и под своим родовым именем. Когда родовое имя произнесено, за ним немедленно следует название реки. Это название водного потока, вдоль которого род кочевал так долго, сколько возможно вспомнить. Согласно моим умозаключениям, речь должна идти о происхождении, датированном примерно четырьмя поколениями.

Эвенки самоопределяются также по главным рекам, по которым кочует их родственная группа, включающая в себя на этот раз настоящих братьев и сестер и родственников двух поколений. И, наконец, они называют наименование притока, на котором они разбили свой собственный лагерь в момент беседы.

Таким образом, определяя свою идентичность, эвенк выдает комплексное уравнение, в котором смешивается генеалогия, фамилия, родовое наименование, названия рек и притоков. Например, эвенк может высказать характеристики своей идентичности следующим образом: “Я из Усть-Нюкжи” (это название реки, на которой находится его поселок с одноименным названием), “я из алданских людей”, мое родовое имя *ингэлаһэл*, “прежде мой род кочевал по реке Чилчи”, “моя фамилия Васильев”, “мой отец и моя мать кочевали по реке Талума”, “сегодня мои братья и сестры кочуют по маленьким притокам реки Тунгурча”, “и я кочую по реке Усмун”, “в настоящий момент я нахожусь возле слияния рек Усмун и Тунгурча”. Если соотносить этот рассказ об упомянутых реках с картой, то станет ясно, что она образует часть гидрографической системы, занимающей обширную территорию (34000 км²). По мере того, как высказываются категории родства, новые реки переплетаются одна с другой. Можно заметить, что со временем новые поколения формируют свой годовой круг кочевания по относительно важным притокам, текущим по долине, соседствующей с той, которую занимают их старшины (те, которые являются их родителями или реальными братьями). Это не является выражением частной собственности на территорию. На той же реке (лишь бы она была достаточно большая), можно встретить представителей различных родов или “подродов”. Однако это совместное проживание не кажется случайным, так как если внимательно изучить схемы родства людей, кочующих по одной и той же главной реке, можно констатировать, что большая их часть тесно или отдаленно связана узами свойства.

Случается, что выражение идентичности усложняется например, когда вам описывают род и его подразделения по названиям рек и их притоков: “Я родом из людей с Гонама, мое родовое имя *Булйот*, этот род включает людей, носящих фамилии Анатольевы, Герасимовы и Ивановы, которые ведут происхождение с большой реки Сутам, а также Федоровы, которые происходят с реки Иенгра, и т.д.”.

По мере того, как сохраняется память о своих, сохраняется также географическая память о “других”. Когда эвенк, будь он пожилой или нет, говорил мне о местах кочевий своих предков, он с точностью описывал расположения кругов кочевания предков других групп, всегда упоминая названия рек и фамилии.

Эвенки могли бы очень хорошо выразить самоидентификацию, упоминая названия мест, так как эвенкийская топонимия и без названий рек очень богата, но, по-видимому, именно упоминание о гидрографических системах представляет собой язык, истинно отражающий термины родства. Так, схема родства и гидрографическая схема идут парой, как если бы одна была неотделимой частью другой. Эта логика выражения идентичности через прогрессивное подразделение родства и пространства (по рекам и притокам), возможно, является отражением логики родства, базирующейся на непрерывном подразделении родов на подроды. Равным образом кажется, что этот вид выражения идентичности является методом, который позволяет сохранить в памяти одновременно столько пространства, сколько и родства: знание гидрографических

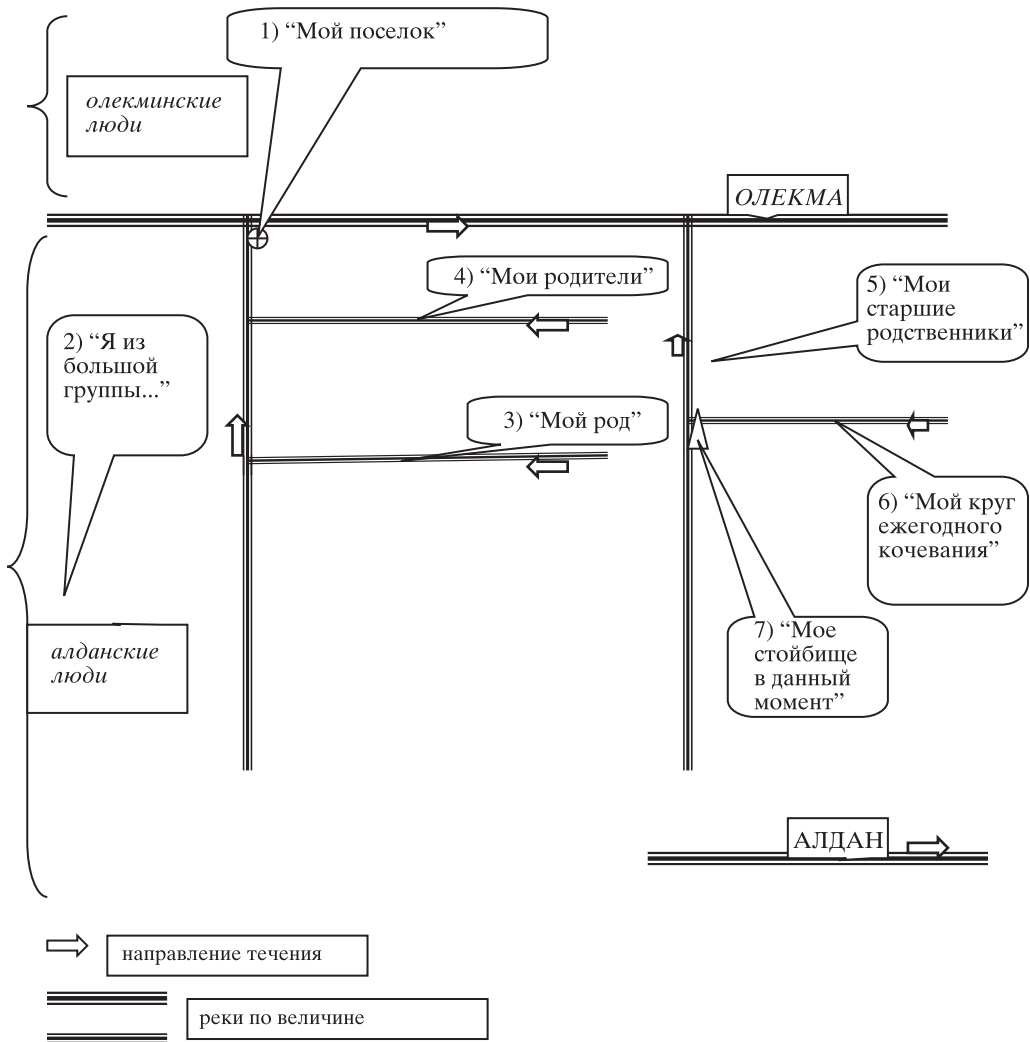

Схема родственных связей и отношений

Условные обозначения. Реки указаны прямыми линиями, сохраняя при этом примерную ориентацию в географическом пространстве и их связь друг с другом. Надписи говорят о социальной идентичности и о родственных отношениях. Порядок высказываний указан номерами. Заметно, что р. Олекма служит здесь границей, разделяя "олекминских людей" и "алданских людей".

систем позволяет не потеряться в тайге и не ошибиться в брачных партнерах. Таким образом, реки для эвенков являются маркерами, используемыми для ориентации в пространстве, в обществе и в истории.

В практической жизни реки служат четкими ориентирами. Зимой, покрытые льдом, они представляют собой разновидность "дорог" в тайге. По самым узким поднимаются, чтобы пройти перевалы. Даже не встречаясь, кочевники могут вычислить локализацию своих удаленных соседей, просто посмотрев на следы и применив дедуктивную логику. Эвенки оставляют в лесу различные условные знаки *илкэн*. Их терминология очень развита (Василевич 1963: 309).

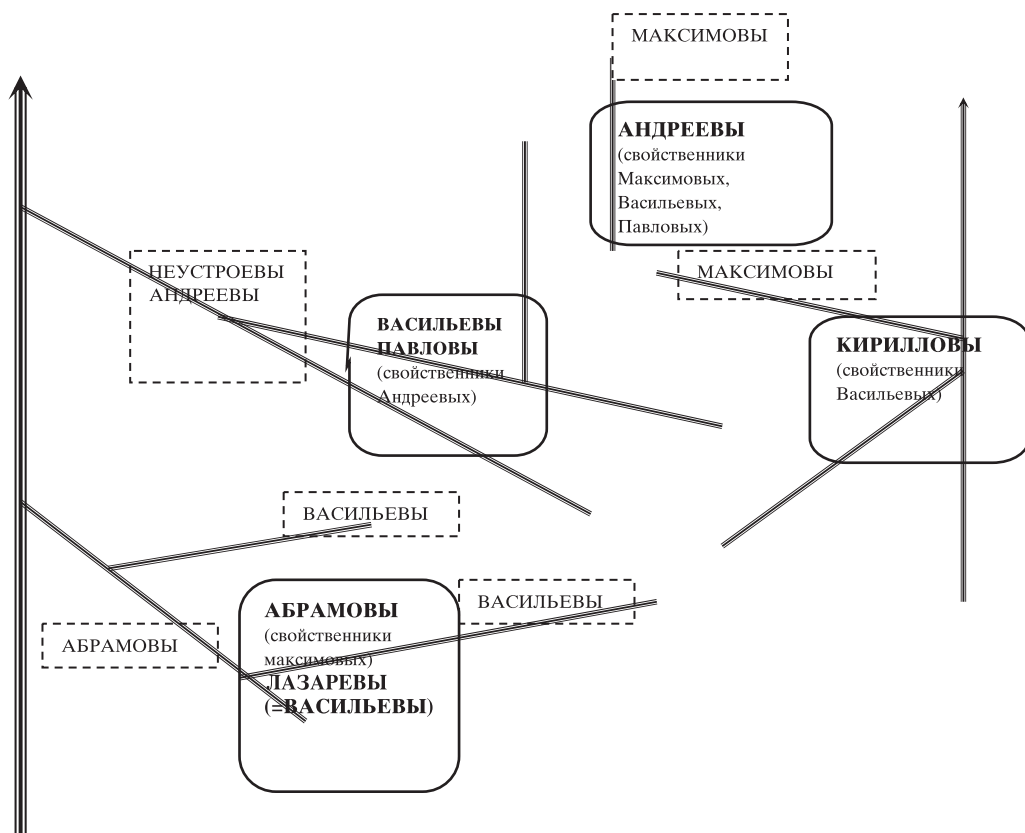

Схема прошлого и современного размещения родовых групп по рекам

Условные обозначения. Схема упрощена по сравнению с оригинальным рисунком кочевников. Я представила реки прямыми линиями, соблюдая примерное расстояние между ними. Кочевники написали название каждой реки и притока, фамилии бывших и нынешних жителей, устно указывая на связи по свойству между ними на два поколения до Эго. Обведены пунктиром группы, жившие в прошлом (примерно четыре поколения тому назад). Обведены сплошной линией группы, жившие в 2000 г. и имевшие связи по свойству с другими группами на два поколения. Заметно, что после нескольких десятков лет родственные группы (здесь группа людей, носящих одну и ту же фамилию) меняют реки проживания, тем не менее оставаясь в том же географическом пространстве (примерная площадь 46 000 км²).

В этой статье совсем не упоминаются стороны света и расстояния в километрах, как ориентиры, потому что ориентация с помощью сторон света не является распространенной среди охотников-оленоводов даже сегодня. Оставляя в стороне (из-за ограниченного пространства журнала) дискуссионные вопросы терминов ориентировки (Василевич 1963: 308; Shirokogoroff 1935: 62–63), отмечу, что эвенкийский язык обладает терминологией, общей для большинства региональных групп. В этой терминологии выделяются четыре направления, связанные с ходом солнца от восхода до заката: *дылача юптын* (место, где солнце выходит) – для нас восток; *дылача тыккичин* (место, где солнце падает) – запад; *долбор* (ночная, темная сторона) – север; *инэнгэкэкин* (дневная сторона) – юг (ср. Василевич 1963). Эвенки редко используют термины, означающие географические стороны света. Концепция востока и запада, которые они

видят как точки, где солнце восходит и заходит, кажется им неясной, так как эти точки варьируют на протяжении года.

Так каковы же ориентиры, которые рассматриваются эвенками как надежные и используются ими для ежедневной ориентации в пространстве? Большинство групп не имеет терминов, эквивалентных понятиям “направо” и “налево”. Но даже у тех групп, у которых они есть, они не представляют собой специальные важные ориентиры. Кроме того, даже если почти у всех групп есть термины *угу* “верх”, “вверх” (и производные от них – “приподнимать”, “тащить вверх”), *hepy* “низ”, “вниз” (и производные от них – “низ”, “нижняя часть чего-то”), то эти термины согласуются с вертикальной осью, которая не задействована в повседневном ориентационном дискурсе.

На деле, кочевники-эвенки, которых я знаю, используют другую систему ориентации в повседневной охотничьей, рыболовной и оленеводческой деятельности. Началом отсчета процесса ориентации является местоположение говорящего индивида (в частности его палатки) по отношению к реке, возле которой он находится (или на берегу которой стоит его палатка). Индивид осмысливает окружающее его пространство следующим образом. Первая направляющая ось определяется местом расположения лагеря по отношению к реке: *дыска:ки* – означает берег, на котором стоит палатка индивида и территорию, которая находится позади¹³; *баргиска:ки* – означает противоположный берег и территорию за ним¹⁴. Таким образом, один и тот же берег будет рассматриваться то как *дыска:ки*, то как *баргиска:ки*, в зависимости от местоположения палатки. Вторая координата определяется по течению реки: *соло:ки* означает верховья, *эя:ки* – низовья¹⁵.

Эта система двух осей является основой всех дискурсов, касающихся передвижения. Когда эвенки встречаются вечером после охоты, они долго и детально обсуждают свои пути, базируясь в основном на этих двух осях ориентации. К четырем упомянутым терминам добавляется очень богатый лексикон, состоящий из глаголов движения, выражений, описывающих пейзаж (качества почвы, тип растительности, состояние льда или снега, освещение холмов под воздействием солнца, ширина русла реки и т.п.), и длинный список топонимов. Но то, что повторяется – это терминология, указывающая на реки, их притоки, направление их течения и проход от одной гидрографической системы к другой.

Итак, реки для эвенков – ориентиры, которые организуют пространство. В том, как эвенки используют сетку рек, вырисовывается одна константа: реки являются путями переходов. Они надежно кодируют пространство, благодаря своей связанности и направлению течения. Они также мыслятся как линии, разграничивающие то территории охоты и выпаса стад домашних оленей, то территории кочевания родственных групп.

Невозможно говорить о повседневной жизни кочевников-эвенков, не обратившись к их символическому видению мира. Многочисленные ритуалы, верования и запреты в наши дни все еще регулируют повседневную жизнь. В этой статье я упомяну об этом кратко, так как планирую посвятить этой теме одно из будущих исследований. Я ограничусь лишь тем, что привлеку ваше внимание к тому, что здесь также вновь обнаруживаются эти оси ориентации, определение которым мы дали относительно физического пространства эвенков. Отметим, что на деле среди запретов и верований с наибольшей строгостью соблюдаются те, которые связаны с солнцем и реками. Таким образом, символическая связь полюсов жизни и смерти привязана к дневному пути солнца и направлению течения рек, как это иллюстрируют следующие записи, сделанные мной за годы полевых исследований. Можно подчеркнуть почти систематическую параллель, которая прочерчивается между направлением восхода солнца и верховьем реки, как это можно увидеть в приведенных ниже примерах.

В идеале палатка кочевника ориентирована так, что открытая дверь позволяет увидеть восход солнца. Однако определяющие параметры месторасположения лагеря

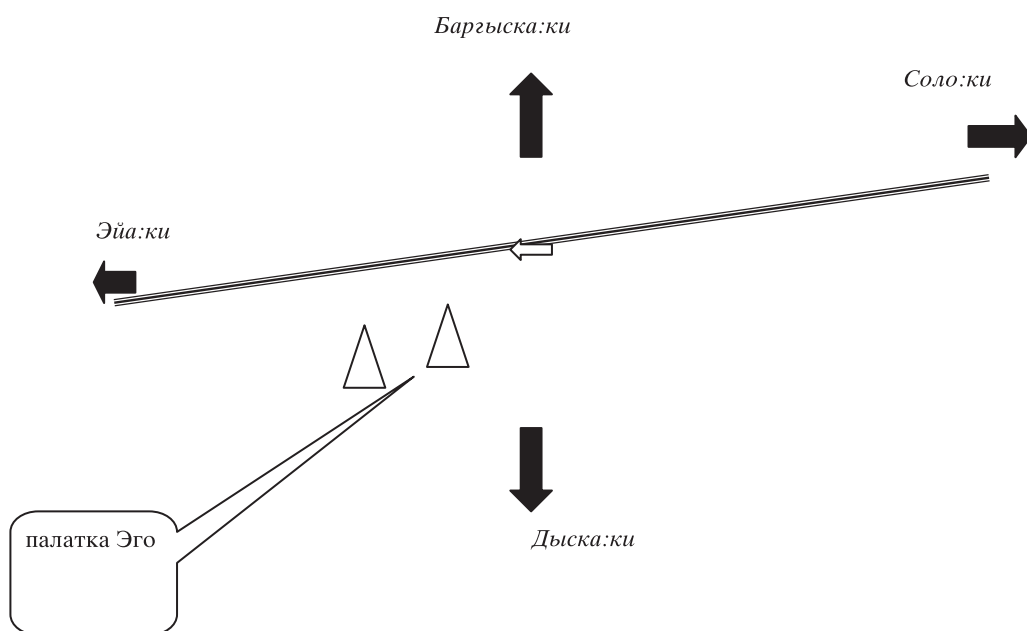

Схема эвенкийской системы ориентации

обычно столь многочисленны, что при отсутствии возможности поставить палатку входом на восток ее располагают так, чтобы вход смотрел в верховье реки.

Покойники должны быть положены ногами по направлению восхода солнца так, что “когда они поднимаются, чтобы уйти в другой мир, они смотрят в хорошую сторону”. К тому же они должны быть погребены на берегу водного потока. Так, именно вдоль рек располагаются эвенкийские могилы в лесу, а также вдоль рек размещаются кладбища в эвенкийских поселках.

Сходные правила существуют относительно останков животных. На стойбищах кочевников встречаются надземные платформы, на которых покоятся останки диких и домашних животных (кости, шкуры и т.п.). Они всегда расположены с краю лагеря, будучи направленными на восток и обязательно в верховье реки. Что касается воздушных захоронений медведя, который считается предком эвенков, они располагаются на краю лагеря в верховьях реки. Череп кладется в направлении захода солнца, а кости лап в направлении восхода. Эвенки объясняют это тем, что в таком положении животные смогут быстрее достигнуть мира мертвых и возродиться.

Другой комплекс примеров имеет отношение к запретам, связанным с движением по кругу. Так, у эвенков строго запрещается ходить вокруг домашнего очага или вокруг палатки. Они также резко одергивают ребенка, который забавляется вечером, вертясь по часовой стрелке или в противоположном направлении. На деле, вращение вокруг самого себя или хождение по кругу позволено только в ритуальном контексте, когда речь идет о круговых песнях или шаманских ритуалах. Дело в том, что движение по кругу приравнивается к ходу солнца и связано с ходом жизни. Это объясняется тем, что только шаман может вращаться против часовой стрелки, иначе говоря, против направления дневного пути солнца. “Это чтобы ему достичь мира мертвых!”, – объясняют они. Напротив, движение по солнцу во время круговой песни закрепляет положение танцоров в мире живых.

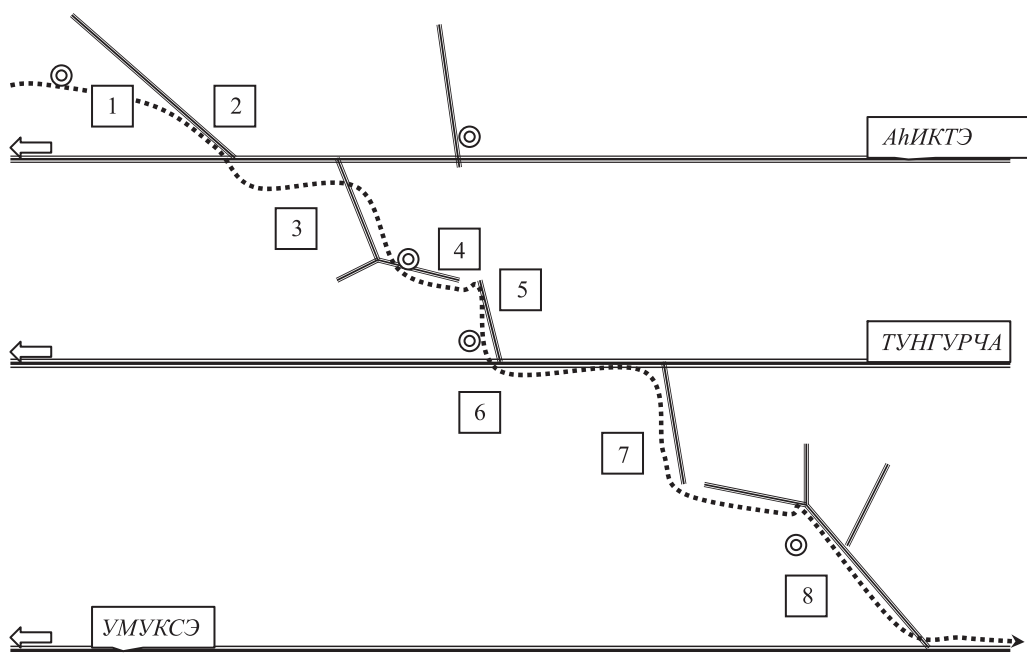

Схема представления эвенком дорог зимнего кочевания

Это уподобление движения солнца ходу жизни позволяет понять ассоциации отождествления восхода с миром живых, а заката с миром мертвых. Это выражается в шаманском ритуале, о котором мне рассказывали старики. Речь шла о “спасении от смерти” кого-нибудь “очень больного”. Шаман заводил в палатку, где разворачивалось ритуальное действие, молодого домашнего оленя. На следующее утро на рассвете, когда долгий ритуал был закончен, он развязывал оленя, и все наблюдали, в каком направлении, он убежал. Если он побежал в сторону восхода, это знак того, что больной выздоровеет, а если на закат – умрет. О подобных ритуалах также писали (*Мазин* 1984; *Василевич* 1930, 1957, 1969; *Shirokogoroff* 1935).

Хотя эвенки не могут сегодня объяснить свою космологию такой, как она описана в этнографической литературе, они охотно заявляют, что мир мертвых находится в направлении захода солнца, за пределами “земли живых”, и что птицы переносят души будущих детей со стороны восхода солнца. Другое широко распространенное представление состоит в том, что старики должны умирать, чтобы ребенок мог родиться. Однако солнце не единственный ориентир, позволяющий эвенкам определять расположение мира живых и мира мертвых. Река также рассматривается как символическая связь между жизнью и смертью. Например, когда домашний олень умирает естественной смертью, нужно поместить его в реку, иначе у стада не будет приплода. Другой пример: молоко самки домашнего оленя, употребляемое эвенками, считается священным, и сосуды, в которых оно содержалось, должны быть немедленно вымыты в реку, “чтобы никто не смог молоко топтать, и чтобы собаки к ним не подходили”. Если этот запрет не соблюдается, эвенки говорят, что самки оленей не принесут приплод в следующем году, и телата этого года начнут погибать.

Таким образом, река рассматривается не просто как ось, выходящая из истока и заканчивающаяся у устья, а скорее как нечто вроде кругового движения, поскольку, то, что завершается в низовьях, возрождается в верховьях. Этот символ соответствует пути солнца. Он не ограничивается его видимым дневным переходом (с востока

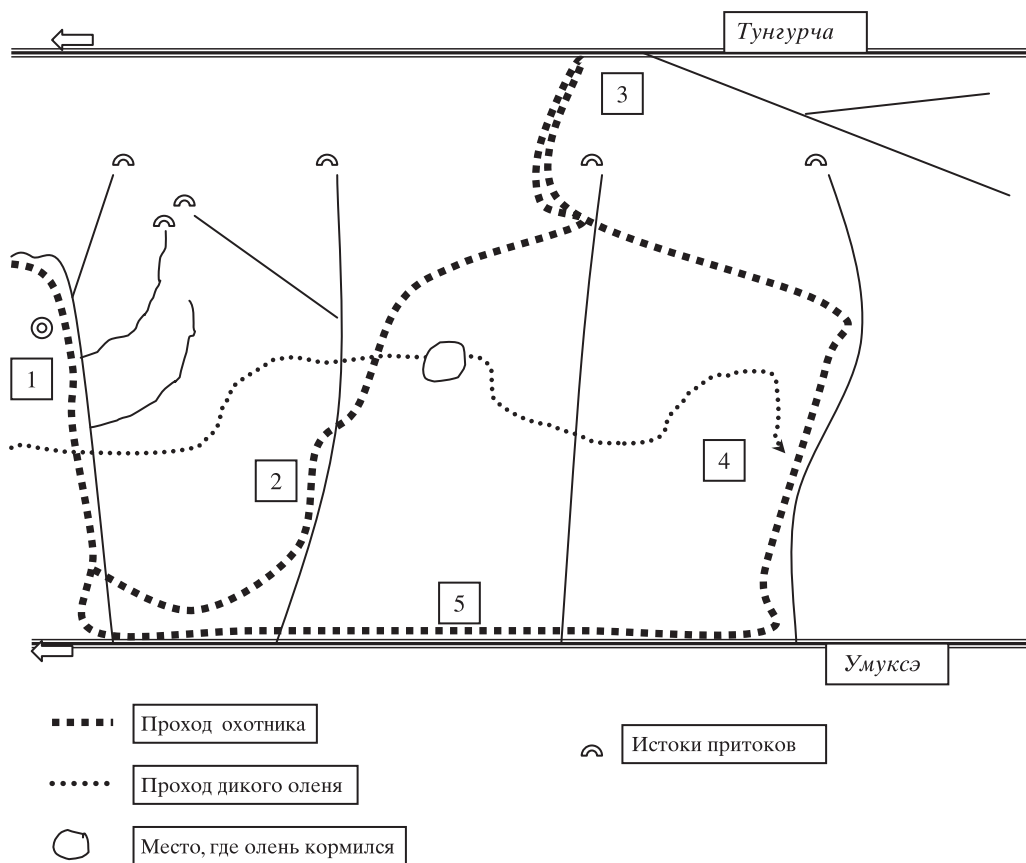

Схема представления эвенком дорог зимней охоты

на запад), но и включает в себя невидимый ночной переход, так как каждый новый восход светила являет собой новое рождение. Все то, что имеет отношение к реке, является первичным, и производящиеся из этого феномены, будут интерпретированы как знаки. Река, которая на закате солнца необычно шумит, предвещает бурю или скорую смерть. Напротив, если эти необычные звуки слышатся с верховьях, эвенки полагают, что это предвещает хорошую погоду или обещает рождение. Эвенки также говорят, что “реки решают, кто должен жить, а кто умереть”. В частности, когда поток реки неестественно бурен, это предвещает скорую смерть. Равным образом, детям с их самого раннего возраста говорят, что никогда нельзя говорить плохо о реке, даже если она забрала жизни их родителей, поскольку она может унести другие жизни, чтобы отомстить.

И кочевники, и оседлые эвенки боятся своих рек. Поэтому всегда в местах, где обычно переправляются через наиболее крупные реки, можно найти полоски ткани ярких цветов (*улганивун*), преподнесенные в качестве даров. Особенно вызывают страх те реки, на которых много водоворотов.

Известно, что у эвенков есть обычай интерпретировать свои сны как предупреждения. Увидеть во сне чистую и прозрачную водную гладь, как из горного источника, считается знаком удачи или скорого рождения, напротив, увидеть широкое пространство бурной мутной воды – знак болезни или смерти.

Эти примеры из полевых исследований, которые явственно демонстрируют символическую роль, играемую солнцем и реками в круговороте душ в представлениях эвенков, согласуются с данными этнографической литературы. В этой части данной статьи я буду опираться на работы А.Ф. Анисимова (*Анисимов* 1951, 1952, 1958) и Г.М. Василевич (*Василевич* 1930, 1957, 1959: 1). Исследования в этой области проводили и другие ученые (*Мазин* 1984; *Туголуков* 1969: 79–181; *Shirokogoroff* 1935: 207–209, 215–217, 236, 309–310).

Анисимов базирует работы на своих исследованиях у эвенков Подкаменной Тунгуски в 1930-х годах. Василевич совершила одиннадцать экспедиций к различным группам эвенков России с 1929 по 1969-е годы. В их работах можно найти устоявшееся представление о воображаемой реке и ее притоках. Эта река является связующим путем между мирами, посещаемыми шаманом, чтобы найти духов-помощников и с их помощью поймать душу больного.

Схематически общие символические представления о пространстве различных региональных групп эвенков таковы. Вселенная подразделяется на три мира: *дулин буга* или *дулин дуннэ* – средняя земля, населенная живыми существами; *хэргу буга* или *хэргу дуннэ* – нижняя земля – мир мертвых; *угу буга* или *угу дуннэ*¹⁷ – верхняя земля – мир, где живут *оми* – “души” будущих детей, где есть такие же ландшафты, отстоящие из деревьев, гор, рек и притоков.

Эвенки региона, где я была, заявляют, что после смерти человек отправляется в мир мертвых и воссоединяется там со своими родными, кочует с ними и ведет некоторое время некое подобие “второй жизни”. Затем его душа *оми* уходит оттуда, уносимая птицей. Только позднее эта душа *оми*, всегда переносимая птицей, вернется в мир живых, чтобы дать жизнь новорожденному. Именно это путешествие человеческого существа – здесь представлено очень схематически – между полюсами жизни и смерти, освещено в упомянутых выше работах. В частности, А.Ф. Анисимов (*Анисимов* 1951: 198–201) детально описывает этот переход от смерти к возрождению (см. также работы Мазина (*Мазин* 1984), Туголукова (*Туголуков* 1980), Широкогорова (*Shirokogoroff* 1935)).

Если полагаться на эти исследования, региональные группы эвенков размещают три упомянутых мира в соответствии с различными отправными точками, но большинство верили в существование единого водного потока (энгдекита), связывающего эти миры. Таким образом, для всех эвенков, живут ли они к западу от Лены, на Олекме, в Забайкалье или в бассейне Енисея, верхний мир есть исток воображаемой реки. Этот эпитет “воображаемая” использовался в этнографической литературе. Эвенки же скорее всего говорили о “невидимой” “скрытой” реке¹⁸. Василевич отмечает, что ориентация ее истока, согласно отправным точкам, сильно варьирует от региональной группы к другой. Одни помещали ее на востоке, другие на юге, третьи на юго-востоке, четвертые на северо-востоке. Из этого автор заключает, что группы ориентируют захоронения не по направлению на восход или на закат, а в направлении предполагаемого истока “воображаемой” реки (*Василевич* 1969: 121–214).

У большинства эвенков эта “воображаемая” река имеет множество притоков, которые являются “персональными реками” шаманов. Каждый шаман имел свою персональную реку – один из притоков *энгдекита*, на берегах которого жили его духи-помощники. И именно в месте слияние *энгдекита* и реки шамана жили покойники, принадлежащие к роду шамана. Эти “шаманские” притоки связывались со “средней землей” (миром живых) через водовороты на реках. Чтобы попасть в верхний или в нижний мир, шаман должен спуститься по течению своей шаманской реки и попасть в “воображаемую” реку. Прибыв туда, он продвигается в верховья этой реки *энгдекит*, чтобы достичь верхнего мира, или в низовья для достижения нижнего мира. Так происходит путешествие шамана во время всех его ритуалов. Он поднимается и спускает-

ся по рекам, переходит из одного водного потока в другой и встречает на притоках то дружественных, то враждебных духов.

Этот переход, ориентированный на воображаемую гидрографическую систему, детально воспроизводится в описаниях коллективных обрядов эвенков. Василевич (1957) упоминает обряд *Икэнипкэ* таким, каким она его видела в 1920-х годах у сымских эвенков. Этот обряд “возобновления жизни” проводился весной и длился восемь дней. Шаман и его помощники рассказывают на нем в круговой песне об их воображаемом путешествии по реке, которая связывает миры. В процессе они преследуют дикого оленя и заканчивают тем, что убивают его, делят и съедают. В следующие дни проведения обряда шаман и его ассистенты рассказывают о своем подъеме к истоку воображаемой реки. Там они просят духов принести “души” *оми* в средний мир (мир живых), чтобы дать рождение детям.

В описании обрядов, данных Анисимовым (1951, 1952) также фигурирует “воображаемая” река и ее притоки в качестве путей перемещения шамана. В его статье 1952 г. дается описание установки палатки и ритуальных конструкций, окружающих ее. Этот тип палатки устанавливался, чтобы шаман совершал в ней важный ритуал, предназначенный для “возвращения души” больного, похищенной духами. Не вдаваясь во все детали системы, заслуживающей углубленного анализа, я представлю здесь главные оси ориентации этого ритуала. С восточной стороны от палатки воздвигали длинную прямую галерею, называемую *дарнэ*, сделанную из молодых лиственниц. На западе воздвигали похожую галерею, называемую *онанг*, сделанную из мертвых лиственниц. Согласно представлениям эвенков, река *энгдекит* протекала между лиственницами этих галерей, пересекая, от одного края до другого, место, где стояла ритуальная палатка. Именно в промежутках, разделяющих лиственницы, разные притоки впадали в “воображаемую” реку. Считалось, что галерея из молодых лиственниц, ориентированная на восход, ведет к истоку реки, в верхний мир, где находятся души тех, кто должен родиться (*оми*). Тогда как галерея из мертвых лиственниц, считалась ведущей к устью реки, в нижний мир, где находятся мертвые¹⁹.

Во время ритуала шаман описывает свое путешествие по реке и ее притокам в поисках души больного. В его рассказе отмечается, что притоки населены либо духами-помощниками, либо духами, старающимися помешать выполнению его миссии. Так, духи по образу людей, селятся, в соответствии с принципом групповой принадлежности, на различных притоках одной и той же главной реки.

Ритуальные представления эвенков, такие, какими их описали этнографы и какими они оказались в моих полевых наблюдениях, организуются согласно тем же вехам ориентации, которые они использовали в повседневной жизни. Эти вехи, кодирующие пространство, являют собой дневной путь солнца и, особенно, течение рек и сеть их притоков. Более того, каждая родственная группа эвенков соотносит себя с гидрографической системой в каждый конкретный момент, а духи эвенков, согласно их представлениям, рассредоточены по рекам, организованы по категориям, по родственным группам, вождями которых являются шаманы. Тот же тип территориального “воссоединения” связывает людей и духов на реках.

Анализ символических представлений также подтверждает предположение, что отправные географические точки не являются истинными вехами ориентировки. Важна одна ось восход-заход, определяемая ходом солнца. И именно река, реальная или воображаемая, видимая или невидимая, является сердцем как прагматической, так и символической ориентации. Можно полагать, что именно по этой причине в эвенкийском языке слова “река, “дорога” и “жизнь” являются синонимами. Река позволяет ориентироваться в пространстве и управлять им во времени, воскрешать в памяти родство своей социальной группы, воображать мир духов и осмысливать цикл жизни. В ритуальных песнях современных эвенков о реке говорят как о матери, чтобы она оберегла жизнь будущих поколений.

Дулин дуннэдун, (На середине земли)
Бидйэрэ дьлача нгэрэндун, (Живут под солнечным светом)
Нгэнэйдйэнэл индйэнэл! (Идут/едут живые!)
Иэнгэ – энинми, (Иенгра река – мать моя)
Горойоло сотардйадйан хутэарби! (Долго и далеко береги моих потомков!)
Айамамат нгэнэйдйэктэн! (Для самого наилучшего они пойдут/будут жить!)²⁰.

Примечания

¹ Эта статья была написана в 2002 г. и опубликована во Франции (*Lavrillier* 2005–2006). Данная редакция статьи представляет собой сокращенный вариант. Я искренне благодарна моим коллегам к.и.н. Д.В. Воробьеву, который сделал перевод статьи с французского на русский язык, и к.и.н. А.А. Сириной, которая была инициатором перевода и выступила его редактором. Полный вариант статьи будет размещен на сайте журнала.

² Между 1994 и 2002 гг. я совершила пять долговременных экспедиций к эвенкам охотникам-оленоводам юга Республики Саха (Якутия) и Амурской обл. В литературе эти эвенки получили название орочны (“оленные люди”) Станового и Яблонового хребта. Я проводила свои исследования методом участвующего наблюдения, находясь четыре с половиной года в кочевой среде и два года в поселках и городах.

³ Некоторые эвенки, подчеркивая факт, что их народ рассредоточен на необъятной территории, называют себя с юмором, который им свойственен, “цыганами тайги”. Старейшины этого общества, рассказывая об эпохе царизма, с ностальгией говорят “В старые времена эвенки не знали границ”. Этот эвенкийский дух свободы и эта необходимость подчинять себе пространство есть, может быть, наследие далекого прошлого, когда их предки неустанно преодолевали огромные расстояния, что было составной частью больших переселений народов прошедших веков (об этих переселениях см. *Василевич* 1969: 32–41).

⁴ Этнографической литературы, относящейся к данной группе эвенков меньше, чем литературы, посвященной эвенкам Енисея и Забайкалья (*Подьяконов* 1901, *Николаев* 1964; *Романова, Мыреева* 1968; *Мазин* 1984 и др.)

⁵ Под “элементарной кочевой единицей” я понимаю некое объединение, состоящее из небольшой группы людей (нуклеарную семью, группу “братьев” или друзей), которое всегда кочует совместно. В разные сезоны эти элементарные кочевые единицы могут как соединять, так и разделять.

⁶ Я буду применять слово “дорога” для обозначения тех узких путей прохода в лесу, по которым эвенки регулярно передвигаются, отправляясь на охоту, при пастьбе оленей и т.д.

⁷ Очень вероятно, что прежде терминология, связанная с различными духами, была более развита. Кажется, представления о пантеоне духов сохранились, но знание названий духов ограничено. Эта эвенкийская концепция духа, связанного с определенной территорией, свидетельствует о том, что эти кочевники представляли свой необъятный лес как “подразделенный” на многочисленные территории.

⁸ Эвенки этого региона, как и эвенки других групп (*Василевич* 1969) используют в качестве дров только лиственницу. Эвенкийская традиция запрещает топить сосной или пихтой. Считается, что они могут вызывать у людей и оленей опухоли и болезни.

⁹ Сравни у других групп эвенков: (*Сурина* 2002: 105–113) и (*Shirokogoroff* 1966: 295–296, 301).

¹⁰ Молодая пара может жить как с родителями супруги, так и супруга. Это зависит от размера стада родителей (они пойдут туда, где их помощь более необходима), а также от социальной значимости групп по родству или по свойству (часто именно наиболее социально значимая группа принимает к себе молодую пару). Случается также, что молодая пара последовательно проводит один период с родителями жены, затем другой – с родителями мужа, до того как станет независимой.

¹¹ На этой стадии семьи рассматриваются как потенциальные *тэкэ/тэгэ*. Во время брачной церемонии старики произносят пожелания: “*Бэйэ тэкэнин окал!*” (“Стань корнем людей!”). Это означает, что пара должна иметь много детей и внуков, чтобы стать социально значимой группой по родству. Слово *тэкэ/тэгэ* означает на повседневном языке и “корень дерева”, и “род” или “подрод”. В ритуале освящения оленя – охранителя стада, который мне удалось наблюдать, шаман или старшина говорит “*Оронни тэкэнин окал!*” (“Стань корнем оленей!”), т.е. “чтобы от тебя стало многочисленное стадо”.

¹² Эта структура скорее признак некоего дуального характера социальной организации данных эвенков.

¹³ Василевич (*Василевич* 1963: 307) переводит термин *ды:ски* как “поднимаясь по склону горы”, а в некоторых диалектах “отодвигаясь от печки или очага, чтобы придвинуться к стенам палатки” (*Василевич* 1958: 131). Цинциус (*Цинциус* 1975; 1977: 202–203) связывает этот термин с корнем *див* – “гористый, приподнятый”, который встречается в различных формах в тунгусо-маньчжурских языках; в маньчжурском – это значение высоты, которое преобладает, тогда как в тунгусских языках существует целостность связанных значений: высота, гора, лес, пространство, идущее от берега реки к лесу в горах; у некоторых эвенкийских групп, у эвенков и удэгейцев добавляется пространство между очагом и стенами палатки. Сходные ассоциации между природным пространством, определяемым водой и лесом, и внутренним пространством жилища встречаются у народов бассейна Амура – соседей тунгусов, но не состоящих с ними в лингвистическом родстве: нивхи (*Beffa* 1982). Широкогоров (*Shirokogoroff* 1928: 9) дает значение “восток” и “вверх” от монгольского корня *диги*.

¹⁴ Цинциус (*Цинциус* 1975; 1977: 73–75) выводит этот термин их корня *барги* – “противоположный” (говоря о стороне, о берегу реки), общего во всех тунгусо-маньчжурских языках. Другие термины, происходящие из того же корня, употреблялись в таких значениях как: житель реки напротив, враг, дать ответ, предаваться вокальным состязаниям, сердиться, спорить, противостоять, сражаться. Широкогоров (*Shirokogoroff* 1928: 19) дает значение “запад”, “противоположный берег реки” и указывает на маньчжурский термин *бажила* “противоположный берег реки”.

¹⁵ Широкогоров дает значение для *солоки* “запад” или “юг” и для *эйаки*, “восток” (*Shirokogoroff* 1935: 62; *Shirokogoroff* 1928: 20).

¹⁶ Этот вопрос в существенной степени рассмотрен в моей диссертации (*Lavrillier* 2005).

¹⁷ В диалектах эвенков Станового хребта *буга*, *буга* означает одновременно “вселенная”, “земля”, “родная”, “небо”, но этот термин также служит для наименования духов, управляющих природой. В этих же диалектах *дуннэ* входит в лексикон и означает “земля”, “почва” (*Цинциус* 1975: 100–101; *Василевич* 1958: 63). О понятии *буга* много писал Широкогоров (1935, 1966).

¹⁸ У эвенков Енисея она имеет название *энгдекит*. Этот термин рассматривается как производная от *энги*, что Василевич (*Василевич* 1959: 169) переводит как запрет, или от *энгде* “исчезнуть полностью” (*Василевич* 1969: 212). Что касается эвенкийских словарей, они дают корень *энг*, который означает “невидимый”, “удаленный до состояния невидимости” (*Цинциус* 1977: 457; *Василевич* 1958: 559).

¹⁹ В этнографической литературе для обозначения разных миров в космогонии эвенков приняты традиционные термины “верх” и “низ”. Это наводит на мысль о вертикальном измерении, которое чуждо системе ориентации эвенков, строящейся по отношению к водным потокам, включенным в ландшафт.

²⁰ Отрывок ритуальной песни, записанной мной в тайге от В. Андреева в 1999 г. (*Lavrillier, Lecote* 2002: 4–12).

²¹ Практическая школа высших исследований в Париже.

Литература

- Анисимов* 1951 – *Анисимов А.Ф.* Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманства // Сб. МАЭ (далее – СМАЭ). 1951. Вып. XIII. С. 188–215.
- Анисимов* 1952 – *Анисимов А.Ф.* Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Тр. Ин-та этнографии (далее – ТИЭ). 1952. Вып. XVIII. С. 198–238.
- Анисимов* 1958 – *Анисимов А.Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Василевич* 1930 – *Василевич Г.М.* Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Этнография. 1930. Вып. 3. С. 57–67.
- Василевич* 1957 – *Василевич Г.М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // СМАЭ. 1957. Вып. XVII. С. 151–185.
- Василевич* 1958 – *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь, М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Василевич* 1959 – *Василевич Г.М.* Ранние представления о мире у эвенков // ТИЭ. 1959. Вып. LI. С. 157–192.

- Василевич* 1963 – *Василевич Г.М.* Древние географические представления эвенков и рисунки карт // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва (далее – ИВГО). 1963. Вып. 4. С. 306–319.
- Василевич* 1969 – *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Карлов* 1982 – *Карлов В.В.* Эвенки в XVII – начале XX в.: Хозяйство и социальная структура. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Мазин* 1984 – *Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибир.: Наука, 1984.
- Николаев* 1964 – *Николаев С.И.* Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1964.
- Подъяконов* 1901 – *Подъяконов С.А.* По Алдану и Олекме // Изв. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). 1901. Т. XXXI. № 1–2. С. 42–62.
- Романова, Мыреева* 1968 *Романова А.В., Мыреева А.Н.* Диалектический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии. Л.: Наука, 1968.
- Сирина* 2002 – *Сирина А.А.* Катангские эвенки в XX веке. Расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск: Оттиск, 2002.
- Туголуков* 1969 – *Туголуков В.А.* Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969.
- Туголуков* 1980 – *Туголуков В.А.* Похоронная обрядность. Эвенки, Эвены, Нанайцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 165–182.
- Туров* 1990 – *Туров М.Г.* Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990.
- Цинциус* 1975 – *Цинциус В.И.* Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. Л.: Наука, 1975.
- Цинциус* 1977 – *Цинциус В.И.* Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 2. Л.: Наука, 1977.
- Beffa* 1982 – *Beffa M.-L.* L'organisation de l'espace et son parcours ; l'habitation nivx, un modèle réduit de l'espace // Chemins ghiliak de la connaissance, numéro spécial des Études mongoles et sibériennes, V13, 1982. P. 117–137.
- Lavrillier* 2005 – *Lavrillier A.* Nomadisme et adaptations sédentaires chez les Évenks de Sibirie postsoviétique: “jouer” pour vivre avec et sans chamanes. (Докторская диссертация PhD по социальной антропологии, EPHE²¹, section des sciences religieuses, Paris, I (559 С.), II, 2005).
- Lavrillier* 2005–2006 – *Lavrillier A.* S'orienter avec les rivières chez les Évenks du Sud-Est sibérien. Un système d'orientation spatial, identitaire et rituel // Études mongoles, sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2005/2006. № 36/37. P. 95–138.
- Lavrillier, Lecomte* 2002 – *Lavrillier A., Lecomte H.* Évenk: Chants rituels des nomades de la taïga. (Текст введения: CD 3015792, Paris, Buda Records, 28 песней +35 С. Musique du Monde, Sibérie 8). 2002.
- Shirokogoroff* 1928 – *Shirokogoroff S.M.* Northern Tungus terms of orientation // Rocznik orientalistyczny. T. IV. (1926). W-wa, 1928. С. 167–187.
- Shirokogoroff* 1935 – *Shirokogoroff S.M.* Psychomental Complex of the Tungus. L., Paul Kegan, 1935.
- Shirokogoroff* 1966 – *Shirokogoroff, S.M.* [1929] Social Organization of the Northern Tungus (Osterhout, Anthropological Publications). 1966.

Перевод с французского Д.В. Воробьева

A. Lavrillier. Orientation by Rivers among the Evenki of Siberian South-East: The System of Spatial, Social, and Ritual Orientation

Keywords: Far East of Russia, non-settled Evenki, orientation in geographic, social and ritual space

The article draws on extensive field research among the non-settled Evenki of the Amur region and South-Eastern Yakutia. The author argues that rivers not only do facilitate spatial orientation, but also help to evoke the kinship of a social group in memory, as well as to imagine the world of spirits and to comprehend the life cycle.